

VII.

ПИТАНІЕ МЯСОМЪ И МЯСНЫМЪ ОТВАРОМЪ.

И до сихъ поръ не состоятъ еще въ силѣ сего поворота, созданы ли животныя персонификаціи на основаніи членовъ тела. История во крайней мѣрѣ не представляетъ никакихъ основаній такому предположенію. Нравственность въ началѣ развитія человечества не имѣла еще никакихъ основаній. Ограниченіе, что касается до пищи, не имѣло еще никакихъ основаній. Не стоитъ ли браяны и несомнѣнно значительное меньшинство нашихъ современниковъ, принадлежащихъ благоуважаемому названію вегетарианцевъ (раствѣтство), на борьбу иррелигіозной совѣсти и справедливости, не имея огромнаго числа еретиковъ и христіанъ, которые безъ жалости бросаются на разныхъ безсловесныхъ обитателей воды и материковъ, доводя ихъ и всѣхъ преслѣдующихъ?..

Такъ какъ я не признаю, никакъ не признаю, то я удовлетворюсь только тѣмъ, что возбуждалъ этотъ вопросъ, право въ совѣстѣ, для рѣшенія котораго необходимо заставить себя изогнаться передъ ученостію. Въ наше время, когда право непреложныхъ фактовъ опровергаетъ всякое другое право, мы должны признать, что все человечество, за исключеніемъ германцевъ при счетѣ

туха остался намъ еще отъ добраго стараго обичая, однако
идясь также дурствуется уже напоръ болѣе денежной моды. Но,
старинный образъ, такъ же борьба изъ-за цѣтовыхъ преимуществъ,
но побѣдетъ волею самими тѣлесными. Гдѣ господствуетъ широта,
тамъ всюду почти рѣшительная побѣда одержана черными или
синими цѣвотъ. Гдѣ же крѣпко еще держится лѣнь, тамъ поло-
останется цѣна на обиліе цѣвотъ. Холодокъ сопровождаетъ яр-
кіе цѣвоты, а малокъ идти темна, низъ, выражается другими
словами, растительными веществами, вынуждать склонности къ свѣту,
животныя развиваются въсвѣтъ и мрачному.

Мы не хотимъ уклониться за это явленіе для правоучительной
примѣды; мы не хотимъ также выражать различіе проро-
ства. Но мы надѣемся, что сознаніе о цѣлостности, о по-
лученіи **ПУ** **ПРИНЦИПОВЪ И ЗАДАЧЪ** широ-
кую дорогу, и что это цѣлостное за-тѣхъ найдетъ себѣ
также то прекрасное выраженіе, благодаря которому все полез-
ное становится въ глазахъ нашихъ вѣстѣ и пріятнымъ. Одна-
ко ни полезное, ни прекрасное не считаются, если одинаково
полезнымъ или прекраснымъ, и вѣдуча разумнаго познанія мо-
жетъ заключаться только въ томъ, что-бы отдѣльная личность
освободилась изъ-подъ ига моды и выбрала для своего планета
такія матеріи, которыя болѣе всего соответствуютъ ея особен-
ностямъ. Главною цѣлью должно быть не *мудитное* односто-
ро, но возможная *разнохарактерность* и надо надѣяться, что
дѣствительное затруднительное положеніе злока въ нѣкоторъ неблаго-
пріятствуетъ достиженію такой цѣли. Чѣмъ дорожи становится
злока, тѣмъ приближеніе *возможности* лѣни, и можетъ быть,
благодаря этому обстоятельству, наша тѣлесная зная про-
мышленность снова попадетъ въ прежній почетъ.

Я до сихъ поръ не совсѣмъ еще выяснилъ себѣ вопросъ, созданы ли животныя первоначально на сѣдѣніе человѣкомъ.

Исторія по крайней мѣрѣ не представляетъ никакихъ оснований такого права. Напротивъ, въ первой главѣ священнаго писанія съ точностью повѣствуется, что Господь назначилъ людямъ въ пищу овощи, плоды и прочее тому подобное, такъ же какъ и животнымъ на землѣ, птицамъ въ поднебесы, червямъ и пресмыкающимся гадамъ. Ограниченіе это остается въ силѣ даже при изгнаніи изъ рая. Не стоятъ ли брамины и весьма незначительное меньшинство нашихъ соплеменниковъ, принявшихъ благозвучное названіе вегетаріановъ (растеньѣдовъ), на болѣе вѣрной почвѣ права и справедливости, нежели огромная масса ереевъ и христіанъ, которые безъ жалости бросаются на разныхъ безсловныхъ обитателей водъ и материковъ, ловятъ ихъ и затѣмъ протлачиваютъ?

Такъ-какъ я не юристъ, ниже богословъ, то и удовольствуюсь только тѣмъ, что возбудилъ этотъ вопросъ права и совѣсти, для рѣшенія котораго необходимо запасться болѣе многостороннею ученостію. Въ наше время, когда право непреложныхъ фактовъ опрокидываетъ всякое другое право, мы должны признать, что все человѣчество, за исключеніемъ теряющейся при счетѣ

дреби, съ-обща согласно въ томъ, что животныя существуютъ ради человѣка, и главное ихъ назначеніе — служить ему пищей, исходя отъ этого убѣжденія люди дошли уже до того, что на огромномъ пространствѣ земли истребляли почти всякую дичь, оставивъ только нетронутыми кое-какихъ мухъ, мошекъ и мотыльковъ, мышей, крысъ, кротовъ, воробьевъ и разную мелкую гадину. Рощи и поля опустошены, и даже воды до того уже не оживлены, что если-бы старое право монастырей и богоугодныхъ заведеній удержалось въ силѣ, то, обязанные платить имъ ежегодную дань рыбою, съ трудомъ могли бы добывать этой живности и въ достаточномъ количествѣ. Даже морекія чудовища подверглись такому ярому нападенію, что въ пѣдрахъ океана царить мертвая тишина, и неизвѣданные пути пучины, по которымъ прежде шныряли туда и назадъ цѣлыя толпы игривыхъ китовъ, теперь также затихли, какъ дороги обширной пустыни.

Только вокругъ себя и своего дома собираетъ сынъ культуры однообразныя стада своихъ домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ немногія служатъ для его охраны, другія употребляютъ въ работу, но большинство идетъ на убой. Необходимая потребность современнаго человѣка возросла до того, что онъ научается побуждать отвращеніе, привитое со всею силою убѣжденія, угрозы и принужденія въ теченіи вѣковъ, людьми традиціи и разными жрецами, — онъ убиваетъ такъ-же лошадей для употребленія ихъ въ пищу, по примѣру нанихъ предковъ, считавшихъ, какъ извѣстно, жаренную конину лучшимъ украшеніемъ своихъ праздниествъ и пировъ. Все приносится въ жертву желудку. Игривый теленокъ, который по видимому составляетъ предметъ самаго заботливаго участія, жестокосердный варваръ скоро сдаетъ въ бойню. Невинный агнеокъ, котораго тщательно стараются уберечь отъ холода и сырости,

*9

подъ конецъ долженъ будетъ отдать повелителю земли свою кожу, свое мясо, чтобы насытить его неутолимую потребность. Вся его любовь — всѣ его законы — это только личина, пустое при творство, но больше какъ маска, которую человѣкъ надѣваетъ находя на- время удовольствіе въ томъ, чтобы любоваться се бою въ роли друга-покровителя животныхъ, которыхъ онъ од нако ухлонываетъ безъ зазрѣнія и стыда, если только того требуетъ его польза его нужда.

Извѣстно вѣдь, что все на свѣтѣ имѣетъ свое основаніе, а даже многое нѣсколько основаній, хотя они не всегда одина ково хороши; почему же не быть также основанію или мно гимъ основаніямъ употребленію мяса въ пищу? Аватомъ ста неть намъ доказывать, что человѣкъ не одаренъ ни зубами, ни желудкомъ жующего жвачку животного, что устройство его пи щеварительныхъ орудій гораздо болѣе похоже на устройство тѣхъ же органовъ у хищнаго; мясники придерживаются того древ няго положенія, которое прежде допускалось такъ-же и въ науч ной анатоміи, — что всядная свинья, по внутреннему строенію, ближе всего подходитъ къ человѣку. Не заключаются ли во всемъ этомъ вѣрныя показанія природы, которыя обнаруживаютъ назна ченіе человѣка гораздо яснѣе, нежели всякія книжныя хитро слетенія? Хозяйки, политико-экономы и, наконецъ, также хи мики доказываютъ изъ опыта, что мясная пища создастъ силь нѣйшихъ людей; изъ этого не только можно вывести, примѣненіе уже врачами, заключеніе, что слабосильныхъ людей должно кор мить мясомъ; но можно еще дальше пойти и утверждать вѣстѣ съ новѣйшими химиками, что всѣ пищевыя вещества слѣдовало бы раздѣлить на два большихъ рода, такъ-какъ только одни изъ нихъ — тѣ именно, къ которымъ причисляется и мясо — дѣй ствительно питаютъ, остальные же, куда принадлежатъ — сахаръ;

жиръ и тому подобное, служатъ только для согрѣванія тѣла. Поэтому самому первыя названы *питательными* или *возстановляющими* веществами, ибо полагали, что главное ихъ назначеніе: замѣнять негодныя или потраченныя части тѣла, возвратитъ силы организму, ослабѣвшему отъ напряженія, труда или болѣзни. Вторыя получили названіе *респирационныхъ* или *дыхательныхъ* веществъ, потому что воображали себѣ, что согрѣваніе тѣла производится помощью ихъ сожженія, а это послѣднее совершается при содѣйствіи дыханія (респирациі). Но такъ какъ дыханіе ничуть не обусловливаетъ собою непосредственно процессовъ горѣнія и согрѣванія въ тѣлѣ, то прямое выраженіе — *отопляющія* вещества было бы гораздо яснѣе.

Потому что на самомъ дѣлѣ животный и человѣческій организмъ отопляются, какъ печь. Въ постоянно зіяющее жерло печки — въ желудокъ вводятся все новыя горючія вещества, и если онѣ не сгораютъ яркимъ пламенемъ, то все-таки сжигаются помощью химическаго процесса, который во всѣхъ существенныхъ частяхъ тождественъ съ процессомъ горѣнія и производитъ не малый жаръ безъ всякаго даже пламени. Результатомъ всего является такъ называемая *собственная-теплота*, та удивительная теплота, въ силу которой тѣло способно оставаться цѣлымъ и невредимымъ, даже теплымъ, въ самой холодной средѣ, и которая прежде казалась всѣмъ до того поразительною, что въ ней полагали найдти божественную сторону человѣка. Выращеніе — «жизненное пламя» составилось вслѣдствіе этого представленія, которое нашло себѣ образное олицетвореніе въ опущенномъ факелѣ ангела смерти. Распространенное на всю природу такое представленіе послѣдовательно повело къ обоготворенію солнца или огня.

Спрашивается теперь, представляетъ ли мясо чисто вознагра-

дающее, но ни чуть не отапливающее, вещество? положеніе, что кровь есть жидкое мясо и, на-оборотъ, что мясо есть оплотнѣвшая кровь, нашло себѣ много защитниковъ даже между врачами. Судя даже снисходительно, мы должны сказать, что такое понятіе — преувеличеніе, а выражаясь точнѣе — сушая неправда. Потому что кровь, и по признанію химиковъ, содержитъ такъ-же всевозможныя отапливающія вещества и изъ нея вознаграждается и черпаетъ новую жизнь каждая часть тѣла, не только мясо, но и жиръ, кости, волосы. Поэтому можно бы, пожалуй, сказать только, что въ крови содержится и мясо вмѣстѣ съ многими другими веществами. Но и это должно понимать въ образномъ лишь смыслѣ. Ибо съ такимъ-же правомъ можемъ мы утверждать, что свѣже-снесенное яйцо такъ-же содержитъ мясо, потому что когда яйцо насиживается, слѣдовательно нѣкоторымъ образомъ отапливается, то въ немъ развивается цыпленокъ, который, по конечномъ вылупленіи изъ скорлупы, имѣетъ уже свое мясо. Но вылупившійся цыпленокъ въ то-же время имѣетъ также жиръ, кости и перья, и такъ-какъ трудно утверждать, что всѣ эти части находятся готовыми уже въ свѣжемъ яйцѣ, то все дѣло ограничивается лишь тѣмъ, что въ яйцѣ, какъ и въ крови, содержатся вещества, которые способны дать начало мясу, жиру костямъ и волосамъ и много кое-чему другому.

Желая заплатить должную дань истинѣ, я признаюсь однако, что существовало особое основаніе полагать, что въ крови заключается мясо въ совершенно готовомъ видѣ. Выступивъ наружу изъ кровяной жилы кровь свертывается. Вещество, благодаря которому она свертывается, оплотнѣваетъ, называется фибриногеномъ, потому что она при превращеніи въ плотную массу образуетъ безчисленное множество маленькихъ волоконцевъ. Но любая мышца такъ-же состоитъ изъ безчисленнаго множества то-

ненькихъ волоконъ, а такъ-какъ оба рода волоконцевъ имѣютъ между собою много общаго, то и вообразили себѣ, что волокнина крови, выступая или выливаясь изъ сосудовъ въ мышцы, сплотивается и образуетъ волокна мяса. Но болѣе точное химическое сравненіе доказало, что многіе роды волоконъ совершенно различны и что нигдѣ не возникаютъ мясовыя волокна по мощью простаго свертыванія волокнины крови.

Пока еще не сдѣлано было подобнаго сравненія, совершеніе вознаграждающихъ и замѣняющихъ процессовъ можно было представлять себѣ чрезвычайно простымъ. Можно было допускать, что съѣдаемое мясо растворяется въ желудкѣ, что этотъ растворъ переходитъ въ кровь въ формѣ волокнины и изъ крови переливается въ члены, чтобы преобразоваться опять въ новыя мясныя волокна. Къ сожалѣнію однако при такомъ выводѣ первая посылка то-же не совсѣмъ вѣрна. Потому что если съѣденное мясо и можетъ раствориться въ желудкѣ, то все-таки не получается еще волокнина, а совсѣмъ другого сорта растворъ, и когда послѣдній переходитъ въ кровь, то большая часть, даже наибольшая часть растворенныхъ веществъ сжигается и служитъ топливомъ для тѣла. Всѣ новѣйшія опытыя свѣдѣнія говорятъ именно въ пользу того, что мясо есть такъ-же отопливающее вещество или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть таковымъ, и что *разница между вознаграждающими и отопливающими веществами только условная*; ибо однѣ и тѣ-же вещества потребляются, то на возстановленіе потери, то на топку, смотря по надобности. Жиръ, на который смотрѣли какъ на настоящій отопливающій матерьялъ, служитъ также при извѣстныхъ обстоятельствахъ вознаграждающимъ веществомъ, потому что многія части тѣла состоятъ изъ жиру или, по крайней мѣрѣ, содержатъ его по преимуществу въ преобладающемъ количествѣ.

Значеніе мяса, конечно, не уменьшается отъ того, что оно, какъ мы теперь знаемъ, употребляется въ человѣческомъ тѣлѣ на достиженіе больше, чѣмъ одной цѣли. Вѣдь согрѣваніе тѣла въ высшей степени важно для поддержанія его дѣятельностей, и притомъ самыхъ благородныхъ дѣятельностей, а если одно и то же вещество, удовлетворяя потребности отопленія, вмѣстѣ съ тѣмъ служить еще средствомъ возстановленія питанія, то мнѣ кажется, что такое вещество скорѣе можетъ притязать на болѣе высокое значеніе. Пусть же по прежнему продолжаютъ питаться мясомъ и искать въ немъ источника возобновленія жизни, силы и крѣпости.

Но желательно было бы за-тѣмъ, чтобы мясомъ пользовались съ самою разумною цѣлесообразностью, чтобы оно употреблялось въ самой соответственной формѣ и чтобы напрасно не умерщвляли животныхъ, растрачивая потомъ ихъ мясо невыгоднымъ и прямо-таки бесполезнымъ для организма способомъ. Я не говорю о тѣхъ обжорахъ, которые напихиваютъ себя въ желудокъ такія количества мяса, что оно въ немъ не сваривается, т. е. не успѣваетъ раствориться и перейти въ кровь; я такъ-же говорю о тѣхъ расточителяхъ, которыхъ желудокъ могъ бы еще пожалуй растворять попадающее въ него мясо и способствовать такимъ образомъ переходу послѣдняго въ кровь, но кровь ихъ до того насыщена этими растворенными веществами, что богатый запасъ не истощается ни горѣніемъ, ни перемѣщеніемъ въ другія части тѣла. У этихъ господъ непомѣрное излишество скоро наказывается тѣмъ, что у нихъ образуются нечистыя вещества, которыя отлагаются тамъ и сямъ въ тѣлѣ и порождаютъ ломоту, подагру, каменную и другія болѣзни. Я скорѣе имѣю здѣсь въ виду ежедневную потребность умеренно обставленной кухни, обыкновенное приготовленіе кушаньевъ для простаго скромнаго стола. Я такимъ

образомъ имѣю теперь дѣло съ домовитыми хозяйками и кухарками и съ ихъ важнымъ сводомъ законовъ — поваренною книгой; за преобразование котораго слѣдовало бы приняться всѣми силами.

Въ силу поваренной книги, во главѣ всякаго обѣда поставлена мясная похлебка, супъ, бульонъ. Кто не имѣетъ достаточно средствъ, чтобы каждый день вкушать это блюдо, тотъ приготовляетъ его себѣ по крайней мѣрѣ въ воскресные и праздничные дни, у кого и на это не хватаетъ, то тому питательная похлебка подносится по крайности въ случаѣ недуга, въ больницѣ или дома, можетъ быть руками благотворительныхъ женщинъ. Еще больше, чтобы доставить каждому возможность имѣть всегда съ собою это важнѣйшее изъ всѣхъ питательныхъ веществъ, мясной отваръ подвергаютъ вынашиванію, а изъ остатка дѣлаютъ особаго рода таблички, дабы еще и путешественники на морѣ и на сушѣ могли наслаждаться вкусомъ и подкрѣпляющими свойствами горячаго супа даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ нельзя добыть свѣжаго мяса. Потому что стѣнитъ, вѣдь только обдать кипяткомъ «табличку бульона», и готовый супъ — къ вашимъ услугамъ.

И какъ это времена мѣняются. Когда я года два тому назадъ отправлялся изъ Христіаніи для продолжительнаго путешествія во внутренности Норвегіи, то добрые друзья ткнули въ мой чемоданъ между прочимъ и порядочный запасъ табличнаго бульона. Едва вступили мы въ Вельдерскую долину, куда цивилизація не простерла еще своей всеобъемлющей руки, какъ гостепріимный хозяинъ, желая подкрѣпить насъ послѣ утомительной дневной дороги, досталъ засушенную козью лопатку и своимъ большимъ ножомъ, издревле славнымъ tollekniv'омъ, отрѣзалъ для насъ нѣсколько ломтиковъ. Правда, намъ пришлось проглотить черствый кусочекъ, но на-вкусъ онъ былъ довольно недуренъ,

во всякомъ случаѣ также хорошъ въ есемъ родѣ, какъ наши супы, изъ табличнаго бульона. И при этомъ еще въ душѣ возникаетъ гордое чувство, что вы вкушаете пищу, которую воинственные Норманны брали съ собою когда-то, отправляясь въ долгое морское странствованіе, — пищу которая не мало, можетъ быть, содѣйствовала теперешнему поколѣнію сѣверянъ сохранить всю свою силу.

Здѣсь историческая пища стояла лицомъ къ лицу съ статьею новѣйшей торговли, словно произведеніе природы сопоставлено было съ болѣе удобнымъ карманнымъ изданіемъ цивилизаціи. По крайней мѣрѣ утверждаютъ, что табличный бульонъ содержитъ будто въ маломъ объемѣ всѣ дѣйствительныя части мяса, что онъ заключаетъ всѣ возстановляющія и подѣржывающія вещества въ самой естественной формѣ. Какому произведенію отдать преимущество, домашнему или фабричному? Кто больше правъ, отжившіе предки или современные потомки?

Я думаю отвѣтить не трудно. Чтобы приготовить вяленное мясо, сѣверянинъ (Норманнъ) беретъ любой величины кусокъ убитаго, лишеннаго кожи и выпотрошеннаго, животнаго и просто сушить мясо на воздухѣ. Въ нашемъ болѣе умѣренномъ климатѣ, это не такъ легко, но мы также знакомы кое-съ-какими вяленными продуктами. Я не подразумеваю здѣсь трески, которую мы получаемъ изъ Норвегіи и которая готовится такимъ-же простымъ способомъ, но я намекаю на колбасы и ветчину. Мы прибѣгаемъ еще къ помощи дыма, чтобы предупредить порчу мяса, и вмѣстѣ съ тѣмъ выигрываемъ еще то преимущество, что мясо не твердѣетъ до такой степени, какъ вяленое. При этомъ оно, конечно, нѣсколько измѣняется и не всегда въ свою пользу, почему въ послѣднее время все болѣе и болѣе пришли опять къ тому убѣжденію, что людямъ съ сла-

бымъ желудкомъ, въ-особенности же дѣтямъ, лучше давать въ пишу свѣжее мясо.

Остановимся теперь на-время и рассмотримъ старое обыкновеніе. По крайней мѣрѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вяленое мясо сохранять всѣ существенныя составныя части мяса вообще, потому что отъ проявляванія улетучивается главнымъ образомъ одна только вода, твердыя же части, въ которыхъ все-таки — самая суть, остаются, не потерявъ никакихъ значительныхъ измѣненій, если только все сдѣлано съ толкомъ и пониманіемъ. Сохшееся мясо легко разбухаетъ снова въ водѣ, и если съѣсть его даже нѣсколько тонкихъ ломтиковъ, то въ тѣло вводится уже далеко немаловажное количество питательныхъ веществъ. То обстоятельство, что эти вещества доставляются рту, не въ самой вкусной формѣ, имѣетъ также свою хорошую сторону, потому что оно препятствуетъ развитію обжорства и безполезной расточительности и оказываетъ замѣтно благотворное вліяніе на развитіе умеренности.

Только-что сказанное, конечно, болѣе всего противуполагается свѣжему, варенному или жаренному, приправленному разными приправами, мясу, нежели табличному бульону, который не легко внушить кому-нибудь подлинную заносчивость и въ этомъ отношеніи также заслуживаетъ безусловную похвалу. Но что выигрываетъ тѣло отъ подобной «питательной похлебки»? Оно выигрываетъ обыкновенно еще меньше, нежели отъ свѣже-приготовленнаго мяснаго супу, который можетъ быть и сугубо смаченъ, но питательныхъ веществъ содержитъ, къ сожалѣнію, весьма мало.

Супъ, какъ извѣстно, получается черезъ кивяченіе мяса въ водѣ. Когда варка окончена, жижицу сливаютъ, а сваренное мясо употребляютъ въ пищу тѣмъ или другимъ способомъ. Для

того, чтобы похлебка была хороша, необходимо, какъ извѣстно всякой кухаркѣ, положить много мяса и *недолго* варить. Но такъ-какъ большинство людей не имѣютъ средствъ или не желаютъ тратить много мяса для небольшого количества супу, то они предпочитаютъ добывать побольше супу изъ меньшаго количества мяса, наливая много воды и увеличивая время кипяченія. Такимъ способомъ получается также табличный бульонъ, для приготовленія котораго нерѣдко употребляется не одно лишь настоящее мясо, но и другія вещества, напримѣръ, сухожилія. Такимъ образомъ изъ *одного* вещества, мяса, добываются *два* кушанья — супъ и отваренное мясо. Для одного обѣда получается *два* блюда; а вкушающіе его воображаютъ себѣ, что приняли въ такомъ случаѣ гораздо больше пищи, нежели когда съѣли бы только нѣсколько тонкихъ кусковъ вяленнаго мяса. Въ извѣстномъ отношеніи это выгодно; и я долженъ отдать справедливость моей женѣ, когда она сказала мнѣ однажды, въ заключеніе оживленнаго разговора касательно преимуществъ супа, что мы скорѣе чувствуемъ себя сытыми, съѣвши прежде похлебки, а потомъ уже говядины, нежели употребляя это мясо прямо на жаркое. Конечно! но это происходитъ оттого, что у насъ вошло мало-по-малу въ привычку *наполнять желудокъ* *гораздо большимъ количествомъ веществъ*, *нежели то необходимо для нашего тѣла*. Чувство сытости является у насъ тогда лишь, когда желудокъ растянутъ пищею, а такъ-какъ мы съ малыхъ лѣтъ употребляемъ большое количество неудобоваримыхъ вещей, — слѣдовательно, такъ-какъ мы стараемся добывать необходимыя для потребностей нашего тѣла вещества, приучаемся съѣдать гораздо больше, нежели нужно было бы, если-бъ мы употребляли однѣ удобоваримыя и питательныя вещества, — мы такимъ образомъ легко доходимъ до того, что растягиваемъ *желудокъ*, выше

должной мѣры. Потому что, разумѣется, въ этомъ случаѣ, объемъ пищи долженъ вознаградить потерю ея достоинства. Чтобы удовлетворить потребности нашего тѣла въ питаніи и со-
пленіи, мы должны съѣдать большее количество простаго хлѣба, который содержитъ еще всѣ неудобоваримыя составныя части зерна. Въ особенности же отруби, и меньшее количество хлѣба крупичатого, приготовленнаго изъ очищенной муки; уже по этому одному многіе находятъ болѣе вкуснымъ простой хлѣбъ, которыми они нагружаются въ изрядной пропорціи. ^{одни говорятъ}
^о Какія массы вещества съѣдаютъ за одинъ разъ наши рабо-
чие! Взгляните и сравните съ этимъ малую часть сухаго нове-
наго или тѣмненнаго хлѣба или сухаго творогу, которыми нор-
вежскій работникъ питается въ теченіи дня, исполняя самую
тяжелую работу въ горахъ, или посмотрите на горсть рису, ко-
торымъ утоляетъ свой голодъ обитатель аравійской пустыни. При-
вычка — сильнѣе потребности; голодъ зависитъ больше отъ про-
жорливости, нежели отъ естественнаго позыва къ ѣдѣ. Это повто-
ряется также за столомъ богача, какъ и за скромнымъ обѣдомъ
бѣдняка, и такъ называемое образованіе вовсе не предохраняетъ
отъ подобной распущенности, если оно не руководствуется на дѣлѣ
разумнымъ порядкомъ въ привычкахъ и трезвымъ познаніемъ.
^и И такъ, преимущество, доставляемое двумя блюдами (супомъ
и мясомъ), есть только кажущееся. По крайней мѣрѣ, по отно-
шенію къ годнымъ веществамъ, мы ничуть не выигрываемъ боль-
ше того, какъ если-бъ мы изъ мяса приготовили одно блюдо,
а похлебку замѣнили бы стаканомъ свѣжей воды. Вопросъ вовсе
не въ томъ, доставляютъ ли два блюда больше; мы можемъ
только ставить его въ такой формѣ, что доставляютъ ли намъ
два блюда столько-же пользы, сколько мы могли бы получить
отъ одного. И на это я отвѣчаю: два блюда на самомъ дѣлѣ

даютъ намъ меньше; онѣ ведутъ насъ къ бесполезной расточительности, мы годныя части превращаемъ въ негодныя. Потому что отъ кипяченія мясо становится тѣмъ менѣе удобоваримымъ, чѣмъ дольше производилось это кипяченіе; при этомъ мясо дѣлается все жестче и гуще, оно словно свертывается.

Здѣсь обыкновенно смѣшиваютъ двѣ или даже три различныя стороны вопроса. Прежде всего не думаютъ о томъ или не знаютъ, что даже самая чистая, самая сочная говядина содержитъ между настоящими мясными частями, мышечными волокнами, еще особаго рода соединительное вещество. Вещество это, которое тамъ, гдѣ кончается мясо, продолжается еще въ сухожиліе, распускается при кипяченіи въ клей. Если мы станемъ варить довольно долго, то соединительное вещество растворяется до того совершенно, что отвердѣвшія въ то-же время мясныя волокна расходятся при разрываніи въ длину, такъ что весь кусокъ легко раснадается на пучки и волокна. Твердыя волокна эти почти совѣмъ неудобоваримы и единственное средство сдѣлать ихъ сколько-нибудь пригодными — прибавленіе кислотъ, которыя хорошая хозяйка изготавливаетъ на сѣверѣ въ видѣ кислой подливки или горчицы, а на югѣ — въ формѣ кислаго салата или разныхъ солений, но все это однако мало помогаетъ дѣлу.

Если варить не такъ долго, то мясо дѣлается, конечно, ломкимъ, уступчивымъ, потому что мясныя волокна становятся хрупкими, а соединительное вещество студенистымъ. Мясо пережевывается тогда гораздо легче, попадаетъ въ желудокъ въ измѣненномъ видѣ и можетъ здѣсь тѣснѣе соприкасаться и смѣшиваться съ пищеварительнымъ сокомъ. Но и въ этомъ случаѣ оно менѣе удобоваримо, нежели свѣжее, сырое или хорошо зажаренное мясо.

Итакъ, съ какой стороны мы не посмотрѣли бы на дѣло, одно

блюдо, стваренное мясо, всегда оказывается испорченнымъ, а такъ-какъ сущность и главная цѣль не могутъ заключаться въ простомъ увеличеніи массы помощью прибавляемой воды, то мы, для окончательнаго рѣшенія вопроса о полезности занимающаго насъ способа приготовленія, должны обратиться къ второму блюду — къ супу. Мы должны такимъ образомъ спросить: переходятъ ли всѣ важнѣйшія составныя части мяса цѣликомъ въ супъ?

Я уже прежде упомянулъ о томъ, что супъ содержитъ тѣмъ больше клея, чѣмъ дольше онъ варился. Клей этотъ отличается отъ обыкновеннаго столярнаго единственно большею частотою. Но клей вообще принадлежитъ къ худшимъ питательнымъ веществамъ, и подлежитъ еще сомнѣнію, — служить ли онъ когда-либо вознаграждающимъ образомъ. — За-тѣмъ вода въ началѣ варенія извлекаетъ изъ мяса бѣлковинныя части, которыя при дальнѣйшемъ кипяченіи свертываются, и, захвативъ съ собою разныя окрашенныя, изъ крови вышедшія вещества, снимаются кухаркою и выбрасываются вонъ въ видѣ пѣнки. Отъ нихъ такимъ образомъ мало чего остается. Далѣе вода растворяетъ извѣстное количество солей, въ-особенности фосфорно-кислыхъ, равно и разныя, отчасти летучія, отчасти же постоянныя, такъ называемыя экстрактивныя вещества, составныя части, весьма незначительныя по количеству, но которымъ нельзя отказать въ нѣкоторомъ значеніи для питанія тѣла. — Наконецъ, мясо лишается нѣсколько жиру, который плаваетъ на поверхности супа въ видѣ глазковъ и кружечковъ.

И такъ, мясная похлебка, супъ, представляетъ собую воду и притомъ воду въ совершенно преобладающемъ количествѣ, къ которой примѣшана небольшая часть клея, жиру, солей и весьма незначительная доля бѣлка и экстрактивныхъ веществъ. Кухарка очень хорошо знаетъ, что тутъ много невозьмешь, и прибавляетъ разныя раз-

ости, дающія побольше веществъ. Яйца и лукъ, овощи и коренья, соль и пряности сообщаютъ супу полное совершенство, но они не вознаграждаютъ потери, понесенной мясомъ отъ кипяченія.

За что же мясной отваръ получилъ названіе питательной похлебки? Чѣмъ питается онъ тѣло? Какимъ образомъ укрѣпляетъ слабого или больного? онъ дѣйствуетъ подобно стакану вина: представляетъ собою *возбуждающее средство*. Онъ возбуждаетъ дремлющія силы, воодушевляетъ «жизненныхъ духовъ» дѣйствуетъ на нервы. Но не можетъ возбуждать силу тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и если нервы разслаблены, то крѣпкій супъ легко производить вредное возбужденіе, подобно кофе и чаю. Мясная похлебка не придаетъ силы, а только возбуждаетъ силу; она не питаетъ, а много уже, если она будетъ служить позывомъ къ питанію, вызываетъ аппетитъ. При нашемъ образѣ жизни, гдѣ разныя возбуждающія средства должны смѣняться одно другимъ, гдѣ вино и водка, кофе и чай, табакъ и пряности взаимно чередуются, мы должны считать пріобрѣтеніемъ, когда находимъ еще одну перемѣну и получаемъ возможность помѣстить представителя средняго возбужденія, мясной супъ, въ рядъ могучихъ возбудителей, которыми служатъ для насъ поминутыя выше вещества. Но полезенъ ли вообще для здоровья подобный образъ жизни? Должно ли тѣло испытывать такое множество возбужденій одно за другимъ, чтобы выполнять свои отправления.

Конечно, нѣтъ. Нервное поколѣніе жадно гоняется за такими возбудителями; здоровое избѣгаетъ ихъ безъ всякой потери для своего развитія. Мясо вовсе не представляетъ собою такой необходимой пищи, какою оно многими считается теперь. Если бы нельзя было обойтись безъ него, то какъ могло бы существовать наше поколѣніе, пользующееся такимъ повареннымъ искус-

ствомъ, которое дѣлаетъ негодною для пищеваренія большую часть употребляемаго для кушаній мяса? Нѣтъ сомнѣнй, что кусокъ хорошаго жаркаго, въ которомъ мясной сокъ сохранился въ жидкомъ состоянн и волокна не отвердѣли, вполне соответствуетъ цѣли и представляетъ питательное средство, содержащее дѣйствительныя возстапавляющія вещества для тѣла и снабжающее его полезнымъ отапливающимъ матерьяломъ. *Хорошо* провяденное или копченное мясо имѣетъ тѣ-же достоинства, и оно одарено еще тѣмъ преимуществомъ предъ свѣжимъ или плохо прокопченнымъ мясомъ, что не угрожаетъ человѣческому тѣлу опасностію, которая можетъ произойти для него, если въ желудокъ человека живемъ попадутъ разныя маленькія твари, паразитически живущія въ мясѣ домашнихъ животныхъ.

Все это старая мудрость. Проповѣдывать ее современному поколѣнію не значитъ вовсе желать высказать что-нибудь новое. Наша задача заключается только въ томъ, чтобы изслѣдовать при свѣтѣ науки и такимъ образомъ закрѣпить на-всегда, въ пользу общаго блага, тѣ опытыя данныя, которыя вовсе не были поняты или только на-половину понимались многими пользовавшимися ими поколѣніями. Предразсудки развиваются въ теченіе извѣстнаго времени и омрачаютъ опытыя свѣдѣнія, потому что онѣ вѣдь *предразсудки* только въ смыслѣ позже живущихъ людей, и значеніе ихъ уясняется, когда мы разсматриваемъ ихъ происхожденіе въ смыслѣ исторіи. Одно лишь пониманіе фактовъ помогаетъ намъ освободиться изъ-подъ ига предразсудковъ. *А мясной супъ, бумонъ — дурной предразсудокъ!*

VIII.

КАКЪ РАСТЕТЪ ЧЕЛОВѢКЪ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Перевороты въ умѣ человека такъ же важны, какъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Они сходны съ явленіями произрастанія, при которыхъ растеніе, развиваясь, принимаетъ такой образъ, что глазъ не можетъ вмѣстить въ себя всѣхъ частей въ предѣлахъ, какъ оно прорастаетъ.

Этими словами начинается *Исторія* революцій 1848 года, и хотя противъ нихъ можно сказать многое, но эти слова возбуждаютъ во мнѣ то впечатлѣніе, которое они сдѣлали на меня: когда я впервые держалъ въ рукахъ эту книгу. Это было въ одинъ изъ дней 1849 г., когда революція въ Парижѣ приближалась къ своему возматому концу, когда я, много изъ друзей, обратился въ бѣгство, когда я самъ покинулъ домъ, долго былъ скучающимъ семейнымъ членомъ. Моё собственное окно выходило въ садъ; французскія берега съ восточными, опущенными дѣлами такъ менялись съ возмущеніемъ, и я не выхожу изъ страданій, ни нужды, ни вѣдѣнія, выходящаго изъ состоянія арестовъ и не хотѣло уклониться. За быстрымъ бѣдѣнствомъ и весной полной надежды наступило лѣтнее лѣто, и тогда явилъ себя замѣчательнаго до глубины сердца, наступилъ жестокой морозъ, когда вся природа покрывалась новыми одеждами, люди должны были скрыть всѣ свои недостатки подъ новыми одедами.

«Перевороты въ умѣ человѣка такъ-же медленны, какъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ. Они сходны съ явленіями произрастанія, при которыхъ растенія увеличиваются въ ростѣ, такимъ образомъ, что глазъ не можетъ измѣрять ихъ возрастанія въ то время, какъ оно происходитъ».

Этими словами начинаетъ *Дамартинъ* свою Исторію революціи 1848 года, и хотя противъ нихъ можно сказать многое, но эти слова возобновляютъ во мнѣ то впечатлѣніе, которое они сдѣлали на меня, когда я впервые держалъ въ рукахъ эту книгу. Это было въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 1849 г., когда реакція быстрыми шагами приближалась съ высоко поднятою головою, когда многіе изъ мужей обратились въ бѣгство, когда я самъ покинулъ домъ, долго мнѣ служившій семейнымъ очагомъ. Мое новое скромное окно выходило въ садъ; бѣлоствольныя березы съ печально опущенными вѣтвями тихо шептались съ воздухомъ, и я не видѣлъ ни страданій, ни нужды человѣчества, вызваннаго изъ состоянія дремоты и не хотѣвшаго успокоиться. За быстро пробудившеюся весной полной надеждъ наступило знойное лѣто, и когда кровь была взволнована до глубины сердца, наступилъ жестокий морозъ, и теперь, когда вся природа покрылась новыми плодами, люди должны были скрыть все свои желанія подъ зимнія одежды нужды.

Народная жизнь также имѣетъ свои времена года; но годъ самый для нея иной, чѣмъ для растеній. Ни мѣсяцъ, ни солнце не служатъ ему мѣриломъ; ни теплота, ни влажность не обуславливаютъ въ немъ измѣненій. Поколѣнія рода человѣческаго располагаются, какъ вѣтви на общемъ деревѣ. Одно поколѣние слѣдуетъ за другимъ, развиваетъ его дѣятельность, и всѣ они умираютъ, одни — не принося ни цвѣтовъ, ни плодовъ, а другія болѣе сильныя принесли обильное сѣмя. Какъ продолжительна эта жизнь въ глазахъ нетерпѣливаго юношества, какъ она коротка для глаза старости, смотрящаго назадъ; — какъ коротка она — для исторіи!

Деревья, вы не ощущаете этого, съ тѣхъ поръ, какъ покинули вѣсть дріады. Но все еще при первой весенней теплотѣ подымается по вашему стволу сокъ, нетерпѣливая почка спѣшитъ выдвинуться изъ — подъ коры на свѣтъ, чтобы стать жертвой перваго мороза, но вы этого не чувствуете; только глазъ чело-вѣка бережетъ нѣжную почку, только чело-вѣкъ сплавиваетъ смерть несчастной. Потому что въ его соболѣзнованіи проглядываетъ вос-поминаніе, что въ жизни вообще есть что-то общее, потому что и онъ, подобно растенію, нѣкогда полный свѣжихъ соковъ и стремленій къ росту, мало по малу вянетъ, слабѣетъ, становится хилъ и старъ. Это его дѣло, ищетъ ли онъ въ подобныхъ мысляхъ горести, или утѣшенія, ну и что изъ этого? Потому что онъ можетъ спорить съ трагистами объ ихъ вѣщаніяхъ въ цвѣтахъ и въ каждомъ цвѣтѣ вѣнчать: *Memento mori*. Или, онъ можетъ воскликнуть: «Взгляните на дилію въ полѣ», и каждый зеленый листокъ можетъ возбуждать въ немъ божественныя надежды. Мы переносимъ на предметы наши же мысли; наши же слова мы въ нихъ читаемъ. Для мыслящаго чело-вѣка весь міръ — большой аттестъ, въ которомъ отъливается его собственное эхо.

Наблюдатель однако не находится въ столь выгодномъ положеніи. Воспринимая вещи, находящіяся вѣ него, онъ долженъ воспринимать ихъ какъ онъ есть; онъ долженъ предаваться имъ, но не долженъ самъ теряться. Двойственность между имъ и предметами, *я* и *прочее* должны оставаться. Какъ это печально! Тогда изъ горъ изгоняются духи и гномы изъ тущобъ, птицы не поютъ человѣческихъ пѣсень, а растенія болѣе не смѣются и не плачутъ. Вся природа становится чужда; между всѣми ложится глубокое чувство раздвоенія.

Приблизительно такимъ кажется многимъ состояніе естествоиспытателя. Не лучше ли въ этомъ случаѣ положеніе растений, которыя не думаютъ, и внутренняя жизнь ихъ течетъ въ едва примѣтныхъ для глаза измѣненіяхъ, производимыхъ солнцемъ, воздухомъ и почвой, принося лѣтомъ плоды, а зимой приготавливаясь покрываться богатою листвою? Не счастливѣе ли тѣ люди, которые живутъ подобно растеніямъ, полные надеждъ и упованій, пока осень не завянетъ ихъ листьявъ, или не вырветъ ихъ буря, или же не повалитъ ихъ топоръ властелина!

Если же перевороты сходны съ явленіями произрастанія растений, то къ чему же эти безпокойныя заботы, эти дѣловыя хлопоты, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и народовъ?

Это и многое тому подобное приходило мнѣ въ голову, когда я смотрѣлъ на верхушки березъ и слѣдилъ за тихою игрой ихъ листьевъ. Но это продолжалось не долго, и мысли мои обратились къ предмету, который былъ предметомъ моихъ занятій, какъ во время революціи, такъ и во время реакціи; я вспомнилъ о тѣхъ внутреннихъ процессахъ роста и постепенныхъ измѣненій, которыя испытываетъ тѣло человѣка въ теченіи годовъ; ту длинную исторію развитія, которая опредѣляетъ и духовную жизнь, познаніе которой сводитъ насъ къ понятію о единствѣ жизни!

и зависимости всего живущаго. Я нашелъ утѣшеніе въ томъ, что зависимость эта заключается не только въ томъ, что, какъ наши химики, растенія выдыхаютъ кислородъ, а животныя углекислоту, и приготовляютъ, такимъ образомъ, другъ для друга необходимый родъ воздуха, или — что животныя ѣдятъ растенія, и эти послѣднія, въ свою очередь, живутъ изверженіями животныхъ. Мои изслѣдованія показали мнѣ, что и въ нашей жизни и ростѣ есть нѣчто общее съ жизнью и ростомъ животныхъ, что старое ученіе «о вегетации» людей имѣетъ хорошій смыслъ и что во всей ограниченной природѣ находится одна непрерывная цѣпь, все высшихъ и совершеннѣйшихъ развитій, имѣющихъ одно и то же основаніе.

Жизнь человѣческая начинается весьма сходно съ началомъ жизни растеній. Молодой плодъ прикрѣпляется къ материнской почвѣ длинными многочковатыми корнями, помощью которыхъ онъ сосетъ пищу и проводитъ ее внутрь помощью длиннаго и тонкаго ствола. Почка вырастаетъ за почкой, органъ за органомъ... однако, я забываю, что касаясь элевзинскихъ таинствъ физиологии, знаніе которыхъ, какъ по теперешнимъ понятіямъ, такъ и по понятіямъ древнихъ, допускается лишь посвященнымъ, такъ какъ строгій ходъ нашего воспитанія не позволяетъ, чтобы собственно зерно всѣхъ земныхъ знаній доступно было стремленіямъ учащагося.

Пусть будетъ такъ. Взглянемъ на дитя съ его нѣжными членами, какъ оно впервые увидѣло свѣтъ; безпомощное и слабое съ каждымъ днемъ оно достигаетъ большей величины, увѣренности и самостоятельности. Какъ же растетъ оно? Весьма не поэтично выходить, когда мы говоримъ, что дитя растетъ влѣдствие увеличенія массы костей и, быть можетъ, многіе бы отвернулись со страхомъ, если-бы предметъ этотъ сей-часъ же при-

нѣтъ такой анатомическій характеръ. Но вѣдь не упрекають живописца, когда онъ измѣряетъ размѣры тѣла, которое онъ хочетъ изобразить, и помощью аршина опредѣляетъ длину и ширину костей. Это выглядитъ весьма прозаично, а между тѣмъ при помощи свѣдѣній, добытыхъ измѣреніемъ, художникъ воспроизводитъ художественно изображеніе, поражающее и привязывающее наши чувства. «Небесная» красота не можетъ существовать безъ земныхъ отношеній между частями, безъ анатомическихъ пропорцій, а число дюймовъ даетъ эту пропорцію подобно тому какъ длина и короткость слоговъ служатъ мѣрой для стиховъ. Поэтому, кто знаетъ, что восхитительный стихъ можетъ быть разложенъ на части, что въ образованіи своемъ онъ содержитъ нѣчто механическое и что безъ знанія, или, по крайней мѣрѣ, безъ ощущенія этого механизма, не возможно полное его пониманіе?

Человѣкъ аполнѣ сформировавшійся имѣетъ, считая зубы, 250 костей, изъ которыхъ каждая имѣетъ особенный, ей свойственный видъ и особые размѣры. Много лѣтъ проходитъ, пока всѣ онѣ вырастаютъ, однѣ раньше, другія позже. — Многія кости уже при самомъ рожденіи достигли естественной величины, другія растутъ послѣ рожденія 15 — 20 лѣтъ и опять — между этими однѣ растутъ сильнѣе, а другія слабѣе. Не всѣ части скелета растутъ въ равныхъ отношеніяхъ, и это главная причина, почему сформировавшійся человѣкъ выглядитъ не какъ увеличенное дитя, но имѣетъ особенности для каждаго возраста. Опытные живописцы, какъ старшій директоръ берлинскихъ музеевъ Шадовъ, часто измѣряли своимъ аршиномъ одного и того-же человѣка, за-ново измѣряли, по истеченіи каждаго десяти лѣтъ и изложили, такимъ образомъ, кодексъ естественнаго права въ пластикъ, который тѣмъ не менѣе нуждается съ отдѣлкѣ, и не только ху-

дожники, работающіе на твердомъ камнѣ, нуждаются въ подобномъ сводѣ законовъ, но издавна ее употребляютъ Альбрехтъ Дюреръ и Винкельманъ.

Но одно измѣреніе не даетъ еще яснаго понятія о ростѣ костей. Наблюдаютъ, на сколько выросла каждая кость и какъ она относится ко всему росту тѣла; изъ этихъ наблюденій получаютъ много заключеній необходимыхъ для изображенія тѣла, но человѣческій умъ не довольствуется этимъ; захотѣли узнать какъ собственно происходитъ произрастаніе, этого рода жажды знаній пользовался большимъ недоумѣемъ нашихъ предковъ, и еще теперь считаютъ за шутку, когда кто-нибудь говоритъ, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ. Но есть много натуралистовъ, которые если не траву, то растенія видятъ какъ они растутъ, микроскопомъ снявъ таинственную завѣсу, а можно рассказывать положительно, что дѣлаютъ растенія, подымаясь выше и выше отъ почвы.

Прекрасное въ новѣйшемъ естествоиспытаніи именно заключается въ томъ, что наконецъ возстановлено согласіе въ этомъ отношеніи между растеніемъ и животнымъ, включая сюда и человека. Ничто однако такъ поразительно не сходно, какъ ростъ костей.

Конечно, тотъ, кто доискивается мельчайшихъ различій, можетъ напомнить, что кости не растутъ. И въ самомъ дѣлѣ, то, что однажды стало костью, оставило развитіе за собою; расти, на самомъ дѣлѣ, можетъ лишь то, изъ чего образуется кость, а это, по крайней мѣрѣ по отношенію къ увеличенію длины, — есть хрящъ. Большая часть костей суть сначала хрящи. Въ серединѣ хряща, вслѣдствіе особаго преобразованія, происходитъ первое костяное зерно, которое мало по малу увеличивается постепеннымъ преобразованіемъ хряща, при чемъ къ старѣйшимъ

зернамъ отлагаются новыя костяныя отложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ вырастаетъ хрящъ само собою все сильнѣе и сильнѣе, производитъ въ извѣстномъ направленіи новыя части, которыя впослѣдствіи окостенѣвають.

Именно въ этомъ пунктѣ кость походитъ на стволъ дерева. Большія скопленія твердой сердцевины, занимающія средину ствола, суть готовыя, замкнутыя образованія, изъ которыхъ ничего болѣе не выйдетъ. Они не растутъ, они поддерживаются и утолщаются. Но при началѣ ствола, на корѣ или сей-часть подъ ней, лежитъ слой, постоянно производящій новыя ростки и отлагающій новыя отложенія древесины, слой часто живущій и дѣятельный даже тогда, когда внутренность дерева уже давно сгнила.

Это до извѣстной степени хрящъ дерева. Безъ вниманія, какъ и многое достойное его, отбрасываютъ его вонъ, когда, выросшій изъ него стволъ потребляется. Но въ нуждѣ часто обращаются скорѣе къ корѣ, чѣмъ къ древесной сердцевинѣ. Въ корѣ находятся самыя благородныя и дѣятельныя вещества, произведшія дерево, растеніе; въ ней заключаются самыя здоровыя, питательныя, возбуждающія вещества, въ ней находятъ промышленникъ, средство для крашенія и дубленія.

Хрящъ не имѣетъ столькихъ качествъ; его особенное назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать самого себя и, когда наступитъ время, прозрѣть новыя части, которыя должны стать костями. Часто долго ждать онъ этого времени. Проходятъ десятки лѣтъ, прежде нежели придетъ къ нему очередь, но потомъ вся судьба окостенѣнія зависитъ отъ того, есть ли нужный хрящъ. Если болѣзни разрушили его, или развитіе его задержано, то человѣкъ изувѣчивается и никакая кора изъ самыхъ сильныхъ врачебныхъ растеній не можетъ его замѣнить.

Если мы отрѣжемъ маленький кусочекъ хряща, тонкій какъ листъ бумаги и величиною въ букву о, и положимъ его подъ микроскопъ, то мы увидимъ сотни маленькихъ образованій, какъ и въ корѣ дерева, конечно не вполнѣ такихъ, но сходныхъ въ главныхъ чертахъ. Эти малинькія образованія называли ячейками, и наблюденіе доказало въ нихъ самыхъ дѣятельныхъ элементовъ тѣла. Маленькіе пузырьки, состоящіе изъ бѣлковыхъ веществъ, заключаютъ въ себѣ снова разнообразіе частей: зерно, внѣшнюю кожу и особенно содержимое; каждое маленькое тѣло само по себѣ представляетъ въ себѣ родъ самостоятельнаго существованія.

Эти онѣ собственно растутъ и умножаются, дѣлая человѣка высокимъ. Гдѣ *прежде* была одна лишь хрящевая ячейка, тамъ мы находимъ позднѣе двѣ и болѣе. Потому что — первая ячейка дѣлится на двѣ сначала совершенно сходныя ячейки, эти двѣ снова каждая на двѣ и т. д. На мѣсто маленькаго образованія, постепенно являются цѣлыя группы изъ 30, 40 и болѣе ячеекъ, изъ которыхъ каждая растетъ, каждая становится больше подобно первой, изъ которыхъ онѣ произошли. Кусокъ хряща, сначала имѣвшій 10 ячеекъ, въ послѣдствіи можетъ имѣть 3—4000 ячеекъ, и если каждая изъ нихъ въ четверо больше первой, изъ которой произошла, то поверхность всего куска станетъ въ 120—160 разъ болѣе первоначальной.

Человѣкъ слѣдовательно имѣетъ полное основаніе стараться въ извѣстное время заставить ячейки исполнять ихъ обязанности.

Многіе думаютъ, что длина не есть настоящая величина человѣка, и чего недостаетъ въ костяхъ, то можетъ быть восполнено другимъ свойствомъ; не побяль развѣ Давидъ или крошечный Роландъ громадныхъ великановъ? Но не о томъ рѣчь, что каждый изъ нихъ былъ необходимъ, но о томъ, что вели-

канъ, ни въ одной своей части не изуродованъ. Есть много людей высокихъ, но тѣмъ не менѣе они то тутъ, то тамъ имѣютъ недостатки.

Въ человѣческомъ тѣлѣ, напр., различаютъ три части: голову, грудь и нижнюю часть туловища. Онѣ окружены костями и ихъ длина и ширина зависятъ отъ того — длинны или коротки, широки или узки кости ихъ окружающія. Я не стану говорить о тѣхъ страданіяхъ и опасностяхъ, которыя грозятъ женщинамъ, имѣющей узкій тазъ, тотому что это тоже относится къ элевзинскимъ предметамъ. Но я могу сказать, что весьма важно — свободенъ ли грудной ящикъ, или стѣсненъ. Многіе мѣшающіе свободному и полному развитію легкихъ получаютъ неизлѣчимую чахотку! И какое удовольствіе *дышатъ* «вольной грудью» на вершинахъ горъ, куда люди съ узкой грудью сходятъ пыхтя и крехтя! Трудно имѣть свѣжее сердце, если хрящи и кости его окружающіе не нормальны. Хотя они и незначительны и поэтъ часто объ нихъ забываетъ, но тѣмъ не менѣе они участвуютъ во всѣхъ занятіяхъ, и естествоиспытатель и медикъ не должны ихъ забывать.

Но духъ человѣческій, часто свѣжій и здоровый въ больномъ тѣлѣ, и слабъ въ тѣлѣ сильномъ, независимомъ по крайней мѣрѣ отъ костей! Далеко не такъ! Если черепъ не сформированъ какъ слѣдуетъ, то духъ человѣческій едва-ли будетъ здоровъ; черепъ имѣетъ также опредѣленные размѣры, состоя изъ многихъ костей, и его должно старательно охранять отъ ненормальнаго развитія. Часто путешественникъ отталкиваетъ безъ вниманія попадающійся на дорогѣ черепъ, забывая объ этомъ благородномъ предметѣ, который самъ же онъ носитъ. Тѣмъ не менѣе черепъ во все время былъ предметомъ наблюденія мыслящихъ людей. Принося одному ожиданія, мысль

о смерти, у другихъ онъ вызываетъ воспоминанія о длинной исторіи богатой и полной воспоминаній жизни. Съ черепомъ въ рукахъ натуралистъ становится исторіографомъ тѣхъ временъ, когда еще не было никакой исторіи, равно какъ и преданій передававшихся изъ устъ въ уста и послѣднее слово которыхъ летало какъ вѣтеръ въ полѣ. Въ тѣ времена еще, когда землю населяли жители, имени которыхъ не содержитъ ни одно сказаніе, если они имѣли даже имя, и тогда слагались кости одна съ другой какъ и теперь, ячейка присоединялась къ ячейкѣ и помогали увеличенію костей, и одна подъ другой слагались въ сводъ черепа подобно тому какъ и теперь. Древніе черепы все еще рассказываютъ намъ, имѣлъ ли народъ общинное устройство, принадлежалъ ли онъ къ ряду культурныхъ народовъ, могъ ли онъ имѣть значеніе для исторіи человѣческаго духа, или онъ существовалъ лишь для того, чтобы служить другимъ культурнымъ народамъ пьедесталомъ.

Предѣлы духа, можетъ быть, весьма необъемлемо распространяются по всему міру и во всякое время, на сколько намъ извѣстно, духъ работаетъ въ пространствѣ.

Мы сами это чувствуемъ, мы хватаемся за голову, когда мысли не идутъ въ порядкѣ, мы бьемъ себя въ голову, когда она становится тяжела мыслями, мы гордо ее поднимаемъ, когда пришло въ голову что-нибудь великое. Жизнь духа есть жизнь вполне внутренняя!

Мы думаемъ головой, и потому хорошая голова всегда остается рекомендуемой тѣхъ, кто ее носилъ. Развѣ же душно, что художники изучаютъ головы древнихъ грековъ? И развѣ естествоиспытатели ошибаются, говоря, что древніе греки потому были великодушными людьми, что имѣли прекрасныя головы. Конечно нѣтъ!

Если растеніе нормально развилось, то изъ него исходитъ благоуханіе, испускаемое растущею поверхнью. Лѣсъ, поле, луга имѣють благоуханіе, которое съ восторгомъ вдыхаетъ человѣкъ, если даже сюда не присоединяется никакого особеннаго запаха пахучихъ цвѣтовъ.

Не будучи даже френологомъ, можно, разсматривая черепъ тысячу лѣтъ послѣ того какъ онъ носился на здоровомъ тѣлѣ, пополнить многіе пробѣлы исторіи, выкапывая изъ вѣрнаго хранилища, земли, болѣе и болѣе головъ нашихъ предковъ. Да! перевороты въ человѣческомъ умѣ медленны, и на деревьяхъ и на костяхъ мы можемъ научиться, какъ много времени нужно, чтобы позднѣйшій родъ могъ пользоваться достояніемъ прежнихъ трудовъ, наслаждаемся которыми мы весьма часто безсмысленно. Историкъ довольствуется обвиненіемъ человѣческаго глаза, что онъ не въ состояніи измѣрять ростъ самого себя въ то время, когда его ростъ происходитъ. Естествоиспытатель не знаетъ этихъ ограниченій; онъ наблюдаетъ маленькія ячейки, какъ онѣ привлекаютъ вещества, растутъ и множатся въ цѣлые ряды поколѣній. Онъ слѣдитъ глазами за ростомъ отъ ячейки къ ячейкѣ; онъ изучаетъ постепенный ходъ отъ простаго къ сложному, усматривая обратно изъ пестраго разнообразія совершенныхъ явленій первоначальную простую сущность первыхъ причинъ. Такимъ образомъ, одно не возможно безъ другаго, въ настоящемъ вытекаетъ простой законъ, остающійся вѣрнымъ для прошедшаго и для темнаго будущаго, равнозначущій и для мельчайшихъ явленій послѣднихъ индивидуальных морфологическихъ элементовъ, какъ и для великаго хода исторіи міра.

Посему, вы, мечтатели, обратитесь къ природѣ, и изучайте условія, чтобы понять процессы вашей жизни!

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых сложных и интересных. Искусство — это не просто набор правил и техник, это способ выражения человеческого опыта, эмоций и мыслей. Оно отражает культуру, историю и ценности общества. Искусство может быть как развлекательным, так и глубоким философским исследованием. Оно способно вызывать сильные эмоции и заставлять задуматься. В искусстве нет границ, оно объединяет людей из разных культур и стран. Искусство — это часть нашей жизни, без которой она была бы неполной.

IX.

О ВОСПИТАНИИ ЖЕНЩИНЫ

СООБРАЗНО СЪ ЕЯ НАЗНАЧЕНІЕМЪ.

IX.

О ПОСЛѢДСТВІИ ЖЕНШИНЪ

ГОСУДАРСТВО ОНЪ НАЗНАЧЕНІЕМЪ.

Чтенія, которыя открываетъ эту рѣчь общество семейнаго и народнаго воспитанія, имѣютъ цѣлю доставить ему друзей и средства: друзей, чтобы дѣло воспитанія, отъ котораго зависитъ будущность народа, все болѣе и болѣе становилось задачею, надъ рѣшеніемъ которой должны неустанно трудиться всѣ благородныя головы, а средства, чтобы въ нашемъ обширномъ городѣ, гдѣ потребности возрастаютъ такъ быстро, что дѣятельность общины не въ состояніи удовлетворять имъ, дать обществу возможность оказывать содѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда усилія самихъ семействъ становятся недостаточными и гдѣ другія общества также не могутъ помочь, и чтобы всюду, даже при стеченіи неблагопріятныхъ случайностей, созидать необходимыя формы, которыя вполне обезпечивали бы воспитаніе народа.

Въ современныхъ государствахъ воспитаніе составляетъ предметъ общественнаго попеченія. Въ числѣ 119 ст., изъ которыхъ состоитъ наше уложеніе, шесть относятся исключительно къ вопросу объ обученіи и воспитаніи, и хотя общанный 26-ю статьею законъ объ обученіи принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыхъ мы напрасно ждемъ уже пятнадцать лѣтъ, однакоже законами и правительственными распоряженіями давно уже установлено, чтобы никто въ Прусскомъ государствѣ не

оставался безъ обученія. Недаромъ Пруссія долго считалась истинно образцовымъ государствомъ въ дѣлѣ школьнаго обученія, и если въ послѣдніе годы свободная Англія, а за нею и императорская Франція, послѣ тронной рѣчи, произнесенной въ нынѣшнемъ году, стали все болѣе и болѣе приближаться къ обязательному школьному обученію, то при этомъ имѣлись въ виду примѣры, которые представляетъ Германія и особенно Пруссія.

За германскою націей всегда останется та честь, что со времени реформации она неуспѣшно трудилась на пользу общественнаго воспитанія. Почти каждый шагъ впередъ въ дѣлѣ воспитанія соединяется какимъ-нибудь германскимъ именемъ, и можно сказать не преувеличивая, что реформация, даже въ католическихъ странахъ Германіи, оказала развитію воспитанія тавія же великія услуги, какія нѣкогда были оказаны христіанствомъ, влияние котораго также перешагнуло за предѣлы его непосредственнаго круга дѣйствія.

Какъ ни прекрасны эти результаты, однакожъ дѣло еще далеко не кончено. Мы даже не должны скрывать отъ себя и того, что каждый шагъ впередъ на пути развитія влечетъ за собою свои особыя опасности. Воспитаніе должно готовить къ жизни, а этой цѣли оно всего върѣе можетъ достигнуть въ кругу благоустроенной семейной жизни. Между тѣмъ современныя государства все еще болѣе и болѣе вытѣсняють воспитаніе изъ семейства въ школу, которая въ свою очередь воспитываетъ гораздо менѣе для жизни, чѣмъ для государства и общества. Дѣйствительно, жизнь требуетъ, прежде всего, самостоятельнаго развитія каждого отдѣльнаго лица сообразно съ его естественными способностями и наклонностями; а государство и общество, напротивъ того, требуютъ искусственнаго развитія массъ согласно съ особыми преданіями и цѣлями, связанными съ извѣст-

ною степенью развитія каждаго государства или общества. Обращение ума совершается здѣсь подобно обработкѣ полей въ болѣешихъ имѣніяхъ; цѣна отдѣльной единицы ступеньвается передъ цѣною массъ. Государство и не можетъ иначе поступать, потому что ему приходится имѣть дѣло съ массами.

Но у народа, кромѣ воспитанія массъ для государства, есть еще другія задачи. Народное воспитаніе должно имѣть въ виду еще другія цѣли; оно должно стараться помогать отдѣльному лицу и доставлять ему случай къ возможно-раннему и полнѣйшему развитію его способностей. Вслѣдствіе этого, задача нашего времени состоитъ въ пріисканіи средствъ, при помощи которыхъ можно было бы достигнуть этого свободнаго развитія отдѣльныхъ личностей. Такова-же и настоящая задача нашего общества, и, входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса о воспитаніи женщины сообразно съ ея призваніемъ, я именно имѣю въ виду, что здѣсь недостатокъ всего чувствительнѣе, и безъ существеннаго улучшенія этого вопроса самое семейное воспитаніе, на которое обращено наше вниманіе, не можетъ получить своего истиннаго значенія. И такъ, позвольте мнѣ разсмотрѣть оба эти вопроса въ связи между собою. При этомъ нельзя упустить и третьяго вопроса, именно о томъ, въ чемъ состоитъ настоящее призваніе женщины?

Въ государствахъ древняго міра, даже въ тѣхъ, которыя были цивилизованнѣе другихъ, воспитаніе оставалось въ сущности дѣломъ семейнымъ и если въ него вмѣшивалась правительственная власть, то она дѣйствовала скорѣе въ смыслъ нынѣшней общины, чѣмъ нынѣшняго государства. Спарта, Аѳины, Римъ были, собственно говоря, только большія общины: *civitas*, т. е. всѣ граждане были вмѣстѣ съ тѣмъ и государствомъ, и то, къ чему они стремились относительно воспитанія, не каса-

ясь воспитанія военнаго, едва-ли можетъ сравниться съ тѣмъ, что въ наше время выполняетъ такая совершенная и большая община какъ нашъ городъ. Спарта показала, что можетъ сдѣлать замкнутая община при помощи суровыхъ и неуклонно исполняемыхъ законовъ, но она доказала такъ-же, что воспитаніе массъ до извѣстной, разъ на всегда опредѣленной степени заключаетъ въ себѣ условіе успѣховъ лишь на извѣстное время, по истеченіи котораго оно ведетъ къ грубости и не основательной образованности самого государства.

Цивилизація и развитіе народа бываютъ прочны только тогда, когда онѣ вкоренились въ нѣдрахъ семейства. Здѣсь изъ рода въ родъ укрѣпляется не только нравственность, но также практическое сознаніе важности науки и ея примѣненія къ жизни; здѣсь и преданіе, и прогрессъ находятъ твердую опору; здѣсь дѣти развиваютъ тѣ стороны своей природы, о которыхъ не могутъ заботиться ни государство, ни общество.

Что можетъ сдѣлать семейство даже самое строго-замкнутое, не опираясь ни на государство, ни на общины, это въ полной мѣрѣ доказано еврейскимъ народомъ. Изъ временъ кочующей жизни перенесли евреи твердое семейное устройство въ старинную Іудею, не пожертвовавъ имъ ни при судяхъ, ни при царяхъ, и когда еврейское царство было разрушено, іудейскія семейства, со своимъ стариннымъ устройствомъ, разошлись по всему свѣту. Разбѣянные между множествомъ народовъ они, сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, подъ гнетомъ самыхъ тяжкихъ обстоятельствъ, сохранили свою самостоятельность до настоящаго времени, и если при этомъ нѣкоторые изъ нихъ подверглись нравственной порчѣ, то ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ отрицать, что іудейская семья вообще, даже въ самыя тя-

желія эпохи, питала любовь къ прогрессу и цивилизаціи и что по сію пору она не жалѣетъ никакихъ усилій какъ для матеріальнаго, такъ и для нравственнаго развитія.

Для человѣчества было большимъ счастьемъ, что христіанство возникло среди этого народа и перенесло съмена тѣсно связанной семейной жизни изъ границъ небольшого, строго замкнутаго племени на весь человѣческій родъ. Греческій міръ, со всею его образованностію, не въ состояніи былъ найти твердой опоры постоянного прогресса, опоры, которую можетъ доставить только семейство и въ которой главная роль принадлежитъ домохозяйкѣ. Безъ жены и матери семейство не имѣетъ значенія; правда, отецъ есть глава семьи, но мать должна быть ея центромъ; она настоящая представительница дома, къ которой должны обращаться все, не исключая и отца, по окончаніи его службы и занятій; только присутствіе матери даетъ человѣку вполне чувствовать, что онъ у себя дома. По этому она должна быть единственною женою отца, а не одною изъ многихъ; по этому она должна быть свободною, а не рабою, по этому слѣдуетъ предоставить ей полную мѣру участія въ образованіи народа и не исключать ее изъ общаго развитія; по этому же, наконецъ, она должна развиваться сообразно своей особой женской природѣ, вмѣсто того, чтобы воспитываться такъ, какъ воспитываются мужчины, для выполненія призванія, какое имѣетъ мужчина. Но этого не созналъ греческій міръ, по крайней мѣрѣ во всемъ своемъ составѣ. Римская образованность сдѣлала уже значительный шагъ впередъ, показавъ міру такой примѣръ, какого никогда не могли представить ни Греція, ни востокъ, не исключая и древней Іудеи, — все величіе цѣломудренной женщины, нравственную силу признанной матери. Но и римская матрона не пользовалась никакими гражданскими правами

и не достигла свободного, сообразнаго съ природою развитія, ибо римская жизнь была направлена болѣе къ развитію внѣшнему, чѣмъ внутреннему. Семейство имѣло значеніе лишь на-столько, на-сколько оно приносило пользы общинѣ, или, если хотите, государству; когда же у него явились самостоятельныя стремленія, когда умственное образованіе сдѣлалось цѣлью воспитанія отдѣльных лицъ, тогда, какъ предугадалъ это суровый но добродѣтельный Катонъ, началось паденіе римскаго государства.

Христіанство явилось во время этого паденія, какъ новый образовательный элементъ. Овладевъ семействами и создавъ изъ нихъ, въ предѣлахъ еще существовавшего тогда государственнаго цѣлаго, особыя общины, оно ускорило разрушеніе древняго міра. Ревностными распространителями новаго элемента явились преимущественно германскія племена. Они выступили съ своимъ благоустроеннымъ родствомъ и общиннымъ порядкомъ, въ предѣлахъ котораго семья служила твердою основой для всѣхъ дальнѣйшихъ преобразованій, пріисходившихъ въ народѣ. Едва только заняли они постоянныя мѣста жительства, какъ сдѣлались главнымъ элементомъ общины и государства, а въ семьѣ равноправная съ мущиною домохозяйка является уже госпожею дома.

Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе того, въ какой мѣрѣ самостоятельность, если хотя бы на ней и основывался общинный союзъ, противуоставляетъ тѣмъ не менѣе такія пріятствія государственнымъ цѣлямъ, которыя до сихъ поръ не могли быть обойдены.

Мы укажемъ лишь на то, что христіанство сначала служило средствомъ къ соединенію римскаго и германскаго племенъ, потомъ изъ христіанскихъ семействъ оно создало христіанскую общину, а потомъ, мало по малу, и христіанское государ-

ство. Но этимъ христіанскимъ государствомъ была римская имперія, и когда германская нація сознала, что уже не ея собственная, а чуждая, римская жизнь проникла и въ государство, и въ общины, и въ семейства, она расторгла одну за другою всѣ связи съ нею, хотя вслѣдствіе этого разрыва рушилась и самая римская имперія.

Германская нація трудится и до сихъ поръ надъ скрѣпленіемъ имперіи, но настоящей германской имперіи. Какъ бы то ни было, а германская семья спасена, и подобно тому, какъ ей удалось создать общину, такъ пойдетъ она и далѣе на этомъ пути, если только сама не собьется съ дороги и если прежде всего будетъ имѣть въ виду своею главною задачею воспитаніе юнаго поколѣнія. Безспорно, она не создастъ вновь христіанскаго государства, но за-то спасетъ христіанскія основы, на которыхъ возникла вся новѣйшая образованность, спасетъ тотъ истинный человѣческій характеръ, котораго не отрицаетъ даже современная іудейская семья и который постепенно будетъ овладѣвать всѣми нашими государственными учрежденіями.

Воспитаніе подрастающаго поколѣнія вовсе не зависитъ въ такой степени отъ школы, завѣдуетъ ли ею государство, или община, какъ полагаютъ нѣкоторые чрезчуръ проникательные умы. Это, конечно, счастье для человѣчества. Если-бы мѣрка для образованія, предлагаемая иными, дѣйствительно рѣшала участь тѣхъ поколѣній, которыя обязаны подчиняться ей, то положеніе дѣлъ въ современномъ мірѣ было бы далеко не завиднымъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько тормазовъ и оковъ встрѣчали школы въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, и до какой степени всѣ они оказались не дѣйствительными! Обученіе еще не есть воспитаніе, и если-бы со-временемъ, хотя это и крайне сомнительно, дѣло такъ подвинулось впередъ, что всѣ наши учите-

ля сдѣлались бы вмѣстѣ съ тѣми и воспитателями, то все-таки подростящее поколѣніе будетъ лишь до извѣстной степени подчинено ихъ вліянію, и судьба всего вообще народа будетъ, по меньшей мѣрѣ, на столько же зависѣть отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго вліянія школы.

Вліяніе семьи на ребенка начинается съ самаго ранняго возраста, а потому и укореняется оно глубже всѣхъ. Если даже основаніе ему полагается безъ опредѣленно и ясно сознаваемой цѣли, если вліяніе это не бываетъ, въ строгомъ смыслѣ слова, положительнымъ, категорическимъ, то оно всегда чувствуется. Но само собою разумѣется, что, не будучи сознательнымъ и положительнымъ, оно можетъ склониться въ дурную сторону.

Я вовсе не хочу сказать этимъ, что вліяніе родителей всегда должно обнаружиться въ опредѣленномъ направленіи и въ строгомъ надзорѣ. Есть родители, имѣющіе превратныя понятія о воспитаніи; есть и такіе, которые она — столько испорчены, что преждевременно и преднамѣренно сѣютъ въ сердцахъ своихъ дѣтей сѣмена дурнаго. Я съ увѣренностію могу сказать, что такіе родители составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Естественная связь любви, соединяющая кровныхъ родственниковъ, разрывается съ такимъ трудомъ, что расторгаетъ и даже противудѣйствуетъ имъ лишь самая незначительная и крайне испорченная часть общества. Въ отношеніи къ тому предмету, которымъ мы занимаемся въ настоящее время, мы можемъ исключить этихъ людей.

Мы не можемъ однакожь скрыть отъ себя того обстоятельства, что весьма многія семьи не могутъ ручаться за хорошее воспитаніе своихъ дѣтей. При нынѣшнемъ состояніи общества, вліяніе отца стало несравненно меньше, чѣмъ было въ прежнее время, когда сословіе, занятіе или ремесло отца заранѣе опре-

дѣляли сословіе, занятіе или ремесло ребенка. Общественная жизнь, которая съ каждымъ днемъ становится свободнѣе и предоставляетъ даже дѣтямъ простолюдиновъ свободный выборъ ихъ будущихъ занятій, уменьшаетъ, по весьма понятнымъ психологическимъ причинамъ, силу отцовскаго вліянія, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, постепенно развивающееся раздѣленіе труда и все болѣе усиливающаяся удаленность мѣста заработка отъ домашняго очага, не позволяютъ отцу и на практикѣ имѣть постоянное вліяніе на своего ребенка.

Такимъ образомъ усиливается вліяніе, которое сама природа предоставляетъ матери, домохозяйкѣ. Ибо не естественно ли, что мать, которая была и первою кормилицей ребенка, и первою подругою его дѣтскихъ игръ, которая первая занимала умъ его картинами своего воображенія и своими понятіями, которая, по своему женскому взгляду на вещи, стояла всѣхъ ближе къ дѣтской простотѣ, что эта мать и въ-послѣдствіи сблизится съ своимъ ребенкомъ. Несообразно ли съ естественнымъ ходомъ вещей, что, живя болѣе другихъ съ ребенкомъ, она лучше, точнѣе, хотя, можетъ статься, и не сознательно, знакомится съ его склонностями, съ его особыми тѣлесными и умственными качествами, чѣмъ отецъ, который, можетъ быть, гораздо болѣе ея свѣдущъ, но столкновенія котораго менѣе постоянны, а сужденія основываются болѣе на общихъ опытахъ и правилахъ, или на случайномъ фактѣ, чѣмъ на продолжительномъ и исключительномъ наблюденіи?

Само собою разумѣется, что бываетъ и противоположное этому. Но кому же неизвѣстно, какое вліяніе имѣютъ матери на жизнь какъ самыхъ великихъ, такъ и самыхъ посредственныхъ людей. Нѣтъ надобности приводить здѣсь примѣры, потому что каждый и самъ знаетъ ихъ множество. Главное дѣло состоитъ

въ подтвержденіи факта, что матери суть первыя и самыя вліятельныя воспитательницы, и въ выводѣ отсюда заключенія, что государство и общество непомѣрно выиграли бы, если-бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, матери были и самыя лучшія воспитательницами. Если нельзя отрицать, что въ ихъ рукахъ обыкновенно находится та часть воспитанія, которая имѣетъ рѣшительное вліяніе какъ на тѣлесное, такъ и на умственное здоровье дѣтей въ теченіи долгаго времени, а иногда и въ теченіи всей жизни, то нельзя также и не употребить всѣхъ стараній съ тою цѣлію, чтобы доставить имъ возможность исполнить этотъ долгъ какъ можно лучше.

Въ этомъ состоитъ высшее призваніе женщины. Заботливость касательно мужа занимаетъ уже второе мѣсто. Ибо, во-первыхъ, мужъ долженъ самъ о себѣ заботиться; забота и участіе жены можетъ служить для него не болѣе, какъ помощію. Точно такъ же и въ общемъ хозяйственномъ быту мужу естественно выпадаетъ на долю внѣшнія, а женѣ внутреннія заботы. Противуположное этому никогда не можетъ сдѣлаться общимъ правиломъ, хотя и встрѣчаются отдѣльные, притомъ совершенно понятные примѣры подобной противоположности. Если-бы она когда нибудь обратилась въ правило, если-бы вообще сдѣланы были попытки эмансипаціи женщины въ томъ видѣ, въ какомъ тамъ и сямъ стремились къ этой эмансипаціи со временъ французской революціи, то этого нельзя было бы достигнуть иначе, какъ со вредомъ для семейства. Строгіе мыслители, трудившіеся надъ рѣшеніемъ этой задачи, никогда не отрицали такого результата. Эмансипація женщины, расчлененіе семьи, общее воспитаніе дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста — все это состоитъ въ необходимости связи между собою. Странно только, что эту эмансипацію нѣкоторые выдавали за логическое развитіе понятія о свободѣ. Не слѣдуетъ однакожь забывать, что на-сколько женщина

станетъ ближе къ произволу, чѣмъ къ свободѣ, на- столько же ребенокъ потеряетъ. Все громадное значеніе индивидуальнаго развитія, на которомъ однимъ основано полное сознаніе личности и отвѣтственности, которыя однѣ соединяютъ въ себѣ гарантію независимости, порядка и свободы, было бы утрачено при общемъ воспитаніи дѣтей. Вся будущность человѣческаго рода была бы подвергнута опасности ради мнимой свободы женщины.

Но, спросятъ меня, неужели единственное призваніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы быть женою и матерью? Конечно, нѣтъ. Многимъ женщинамъ вовсе не суждено быть супругами и матерями, и навѣрно никто не скажетъ о нихъ, что ихъ призваніе— сдѣлаться старыми дѣвами. Судьба челоѣка еще не есть его призваніе. Точно также для супруги и матери не вся задача жизни ограничивается тѣмъ, чтобы быть только супругой и матерью. Иныя женщины получаютъ отъ природы большія средства, чтобы дѣйствовать на судьбу челоѣчества, и я далекъ отъ сомнѣнія въ способности женщины къ рѣшенію подобныхъ общихъ задачъ. Пусть каждая изъ нихъ убѣдится сама, на- сколько она одарена такою способностію; при настоящемъ состояніи современнаго общества, личная свобода отчасти уже признана въ извѣстной мѣрѣ, отчасти должна явиться какъ естественный результатъ дальнѣйшаго развитія, такъ-что и женскій полъ можетъ имѣть слѣдующую ему долю самостоятельнаго участія въ рѣшеніи общихъ вопросовъ, занимающихъ челоѣчество.

Но никогда и никто не въ правѣ утверждать, что естественное призваніе женщины вообще состоитъ въ томъ, чтобы дѣйствовать на поприщѣ государственной жизни и принимать дѣятельное участіе въ рѣшеніи текущихъ споровъ. Естественное

призваніе должно сообразоваться съ природною организаціей, а мы знаемъ, что у женщины она болѣе приближается къ организму ребенка, чѣмъ организму мужчины. По этому занятіе легкое, простое должно быть естественнымъ занятіемъ женщины, а такимъ по преимуществу является занятіе хозяйствомъ, хотя бы послѣднее было и не ея собственнымъ.

Женщина можетъ быть не замужемъ и неимѣть дѣтей, но при всемъ томъ на ея обязанности несомнѣнно лежитъ охрана домашняго очага и всѣ непосредственно сопряженныя съ этимъ заботы; она можетъ трудиться надъ рѣшеніемъ самыхъ высокихъ вопросовъ, занимающихъ человѣчество, но не смотря на то, она измѣнила бы своей женской натурѣ, если-бы отреклась отъ своихъ отношеній къ домашнимъ дѣламъ и къ семейству; она можетъ принимать самое живое участіе въ борьбахъ общественной жизни, въ раздорахъ мужчинъ, но во всякомъ случаѣ должна смотрѣть на свой домъ, на мѣсто покоя и міра, какъ на священное убѣжище, въ которомъ поддерживаются мирныя чувстваванія по крайней мѣрѣ для будущаго поколѣнія. Въ такомъ смыслѣ, римская государственная религія предоставила дѣвственнымъ весталкамъ высшія почести.

Въ то время, для полученія подобныхъ почестей, достаточно было чистоты и невинности. Совершенная женщина не можетъ ограничиться однимъ этимъ, и тѣмъ менѣе можетъ обойтись, чѣмъ быстрѣе будетъ подвигаться впередъ развитіе человѣческаго ума въ положительномъ направленіи. Обязанности призванія становятся тѣмъ труднѣе, чѣмъ справедливѣе является требованіе, чтобы они исполнились сознательно. Воспитаніе женщины должно быть тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе возлагаютъ на нее надежду, что въ дѣлѣ народнаго развитія она воспользуется блистательнымъ образомъ своимъ огромнымъ вліяніемъ на ребенка и на мужа.

Между тѣмъ всегда женское воспитаніе было самое несовершенное. Древній міръ, при извѣстномъ характерѣ своего направленія, не могъ доставить женщинѣ выгоднаго положенія. Христіанство, принявъ женщину въ общину, впервые указало ей, внѣ собственной ея семьи, на трудъ дѣятельной христіанской любви, на попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ, какъ на нѣкотораго рода должность. Но настоящаго воспитанія оно не давало ей. Лишь гораздо позже, когда церковь начала принимать іерархическія формы, монастырскія училища раскрыли свои двери и для молодыхъ дѣвушекъ, а въ-послѣдствіи возникли женскія общества, съ обязательнымъ обученіемъ. Это обученіе было по большей части религіозно-догматическое, въ меньшей степени практико-экономическое, а еще въ меньшей мѣрѣ было направлено къ умственному развитію. Оно служило на пользу не семьи, не государства, а церкви.

Только съ одиннадцатаго столѣтія стало возникать отчасти на основаніяхъ, которыя церковь считала еретическими и прежде всего въ Нидерландахъ, женскія общества, занимавшіяся сначала дѣлами милосердія и постепенно взявшія въ свои руки и женское воспитаніе. Изъ этихъ обществъ вышли дѣйствовавшія уже самостоятельнымъ образомъ бегины, число которыхъ быстро умножилось и которыя особенно въ Германіи встрѣтили большое сочувствіе, но вскорѣ навлекли на себя гнѣвъ церкви и пали подъ громами папскаго проклятія. Лишь реформація доставила твердыя основанія для этого дѣла; возникли протестантскія дѣвичьи школы и дали такой толчекъ, что католическая церковь стала искать противовѣса въ урсулинкахъ, англійскихъ сестрахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ орденахъ. Но какъ протестантскія, такъ и католическія школы для дѣвушекъ имѣли по преимуществу религіозный характеръ, и особенно воспитаніе

женщины сообразно съ ея призваніемъ основывалось только на преданіяхъ семейной жизни.

Какъ медленно зрѣло убѣжденіе, что этого недостаточно! Около двухъ-сотъ лѣтъ назадъ, достопочтенный Фенелонъ писалъ слѣдующія слова: « Женщину должно обучать тому, что составляетъ ея жизненную задачу: она должна имѣть надзоръ за воспитаніемъ дѣтей - сыновей до извѣстнаго возраста, дочерей до выхода ихъ замужъ, надзоръ за дѣйствіями и правами всѣхъ домохозяекъ, за хозяйствомъ, расходами и проч. Въ этомъ состоитъ ея обязанность; этому должно и учить ее ». Но Фенелонъ желалъ еще слишкомъ много сравнительно съ состояніемъ женскихъ школъ въ XVIII и даже въ XIX столѣтіи. Ни высшія, ни низшія женскія училища не составляютъ себѣ задачей воспитывать для жизни. Они развиваютъ, съ достойнымъ уваженіемъ усердіемъ, женскій умъ для искусства и науки, они обогащаютъ его познаніями, научаютъ разнымъ женскимъ рукодѣльямъ, даже образуютъ учительницъ, но никогда не образуютъ они домохозяекъ.

Если я говорю о домохозяйкахъ, то, согласно сказанному мною выше, я подразумѣваю подъ этимъ словомъ не только супругъ и матерей, но вообще женщинъ, которыя въ состояніи сознательно направлять домашній бытъ къ его истиннымъ цѣлямъ, т. е. въ состояніи самостоятельно заниматься и воспитаніемъ дѣтей, и уходомъ за больными, и кухней, и садомъ. При этомъ я оставляю совершенно въ сторонѣ особый вопросъ — « о воспитаніи женщины для мужа », а равно не хочу касаться и другаго вопроса — « о воспитаніи женщины для общества ». Ибо, по моему мнѣнію, какъ тому, такъ и другому должно неизбѣжно предшествовать воспитаніе женщины для домашняго быта. Но, спрашивается, какъ учить этому? Такое воспитаніе, скажутъ мнѣ,

не можетъ быть возложено на женскія школы и пансіоны. Я согласенъ, что это до сихъ поръ не было ихъ задачею, а если и можетъ быть, то лишь отчасти. Несомнѣнно однакожь, что задача эта существуетъ. Несомнѣнно, что для огромнаго числа молодыхъ дѣвушекъ настанетъ нѣкогда время, когда имъ придется смотрѣть за дѣтьми, ходить за больными, заботиться о кухнѣ, погребѣ и садѣ. Неужели думаютъ, что все это сдѣлается само собою, что этому не надобно учиться? Сколько придется при этомъ пережить горькихъ опытовъ, перенести тяжелыхъ заботъ! Какъ много браковъ было бы счастливыхъ, если-бы ученіе женщины было кончено до свадьбы! Сколько домохозяекъ занимали бы болѣе достойное положеніе, если-бы въ то время, пока онѣ были еще въ дѣвушкахъ, ихъ лучше подготовляли къ обязанностямъ, которыя приносятъ съ собой бракъ?

Многое изъ этихъ знаній можно изучить теоретически, или крайней мѣрѣ, приобрести посредствомъ теоріи необходимую подготовку, и это безъ сомнѣнія можетъ сдѣлаться задачею для женскихъ школъ: скажемъ сперва нѣсколько словъ о сохраненіи здоровья. Никому, конечно, не приходитъ въ голову, что, при помощи суевѣрныхъ простонародныхъ преданій, можно имѣть какое-нибудь, хотя самое грубое, понятіе о человѣческомъ тѣлѣ въ его здоровомъ и больномъ состояніи. Обученіе дѣвочекъ естественной исторіи отчасти развѣваетъ мракъ предрасудковъ, но не создаетъ ничего цѣлаго. Конечно, анатомія и фізіологія суть такія науки, о которыхъ прежде думали, что ихъ нельзя преподавать въ хорошемъ обществѣ и что отъ молодыхъ дѣвушекъ должно быть по возможности скрываемо самое существованіе ихъ. Но естественное, даже при всей наготѣ, не всегда бываетъ опасно; на опытъ доказано, что иногда гораздо опаснѣе бываетъ неискusstvenное прикрытие. Притомъ же о полномъ курсѣ анатоміи и

физиологіи въ женскихъ школахъ не можетъ быть и рѣчи и безъ сомнѣнія всегда будетъ возможность ограничиться лишь тѣмъ, что не въ состояніи подѣйствовать вреднымъ образомъ ни на какой умъ.

Чтобы управлять кухнею въ благоустроенномъ домашнемъ хозяйствѣ, должно по крайней мѣрѣ имѣть понятіе о пищѣ удобоваримой и неудобоваримой. Хозяйка обыкновенно научается этому изъ опыта, продолжающагося иногда нѣсколько лѣтъ.

Между тѣмъ нѣкоторые изъ членовъ семьи уже успѣютъ нѣсколько разъ страдать желудкомъ. Почему пища вредно подѣйствовала на ихъ желудокъ, хозяйка все-таки не знаетъ, и опыты продолжаютъ повторяться. Какъ недостаточна подобная опытность для надлежащаго приготовленія пищи, можно видѣть уже изъ того, что въ обыденной жизни считается удобоваримымъ все, что не отягощаетъ желудка или тѣла, между тѣмъ какъ, собственно говоря, удобоваримо лишь то, что дѣйствительно переваривается, т. е. разлагается и «переходитъ въ кровь». Удобоваримое можетъ быть иногда вреднымъ, а неудобоваримое только излишнимъ. Какъ часто ошибаются въ выборѣ пищи для маленькихъ дѣтей! Какъ мало между молодыми матерями такихъ, которыя въ этомъ отношеніи не дѣлали бы грубыхъ промаховъ! И подается на столъ кушанье, которыя могли бы быть приняты желудкомъ безъ вреда, если-бы были приготовлены надлежащимъ образомъ!

Чтобы имѣть понятіе объ этихъ простыхъ предметахъ, надобно по крайней мѣрѣ знать, какъ устроенъ желудокъ, какимъ образомъ онъ перевариваетъ пищу и напитки, во что превращаются въ тѣлѣ отдѣльныя части пищи, какую пользу онъ приносятъ и т. д. Для этого нужно имѣть понятіе не только объ анатоміи и физиологіи, но также о химіи, ботаникѣ и о многомъ другомъ. И это знаніе не должно быть поверхностное, примѣненіе

котораго требуетъ еще дальнѣйшаго объясненія и труда, а положительное, которое всегда было бы подѣ-рукою и не требовало бы усиленной умственной работы.

То-же самое слѣдуетъ сказать о согрѣваніи и охлажденіи, о провѣтриваніи и отопленіи жилищъ, объ одеждѣ и приготовленіи постели. Всѣ эти вопросы, въ главныхъ своихъ принципахъ, могутъ быть изучены теоретически, такъ что даже самый ограниченный умъ пойметъ ихъ безъ особеннаго труда. Въ каждой школѣ можно обучать этому болѣе взрослыхъ дѣвушекъ.

Но точно такъ-же и основныя правила умственнаго развитія, особенно дѣтей, могутъ быть объяснены въ общихъ чертахъ. Дѣйствительно, въ педагогическихъ правилахъ нѣтъ недостатка; ихъ даже болѣе, чѣмъ діатическихъ и гигиеническихъ, и молодая мать можетъ увѣреннѣе и спокойнѣе смотрѣть на своего перваго младенца, если она знаетъ, что ей не нужно производить надъ нимъ воспитательныхъ опытовъ, какіе придутъ ей на умъ. Мы не можемъ скрывать отъ себя, что семейное воспитаніе находится теперь еще на той низкой степени, на какой въ минувшемъ столѣтіи находилось народное хозяйство. Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы создать науку воспитанія, которая не позволяла бы производить на-удачу новыя опыты надъ дѣтьми и воспитывать ихъ по одной наслышкѣ.

Конечно, я далекъ отъ мысли, что подобная наука воспитанія, преподаваемая въ женскихъ школахъ теоретически, можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ жизни. Я не думаю также, что слѣдуетъ предоставить случаю, не родится ли еще братья или сестра, которые доставили бы старшей сестрѣ возможность заняться воспитательною практикой. А между тѣмъ необходимо наконецъ достигнуть, чтобы воспитательная практика сдѣлалась неразрывною составною частію женскаго воспитанія.

Это очень возможно для огромнаго числа молодых дѣвушекъ, если только воспользоваться другими учрежденіями, тамъ гдѣ существуютъ, — учрежденіями, которыя лишь рѣдко и случайно могутъ возникать въ семьѣ, между тѣмъ какъ община или ассоціація могутъ создавать ихъ всюду. Таковыя учрежденія извѣстны подъ названіями дѣтскихъ пріютовъ и проч. Они какъ нельзя болѣе способны сдѣлаться для подрастающихъ дѣвушекъ тѣмъ, чѣмъ больница и клиника служатъ для молодаго врача, т. е. практическими образовательными заведеніями, въ которыхъ изучается нравственный и физическій уходъ за ребенкомъ. Для этой-же цѣли могутъ служить и другія заведенія, какъ-то воспитательные и сиротскіе дома, но на сторонѣ дѣтскихъ пріютовъ то преимущество, что они находятся почти всюду.

Всѣ эти заведенія имѣютъ въ виду одностороннюю пользу, т. е. пользу только тѣхъ дѣтей, которыя въ нихъ воспитываются, или ихъ родителей, и много-много, если нѣкоторыя изъ нихъ стремятся сверхъ того еще къ церковнымъ цѣлямъ. При учрежденіи ихъ совершенно упустили изъ виду, что вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ могутъ сдѣлаться разсадниками практической добродѣтели и разумнаго ученія для молодыхъ дѣвушекъ, училищами для домохозяекъ, если только опытные учителя или учительницы будутъ преподавать въ нихъ практически науку воспитанія, такъ чтобы къ готовому знанію присоединилась и готовая практика.

Маленькой дѣвочкѣ, еще качающейся въ колыбели, вы даете сначала куклку, которою она играетъ до тѣхъ поръ, пока не подрастетъ. Потомъ вы покупаете домикъ для куклы и снабжаете его всѣмъ необходимымъ. Съ какою цѣлью вы это дѣлаете? Съ тою, чтобы посредствомъ игры подготовить дѣвочку къ ея будущей дѣятельности сообразно съ женскимъ призваніемъ, вы хотите пробудить въ ней чувство женщины посредствомъ изу-

ченія предметовъ въ дѣтской комнатѣ. Очень хорошо! Но затѣмъ является большой пробѣлъ. Куклу бросаютъ въ уголъ; весь радъ міръ представляется глазамъ молодой дѣвицы какъ-бы маски-
рованнымъ. Съ дѣйствительностію она знакомится лишь тогда, когда выдетъ за мужъ и сдѣлается матерью. Понимаете ли вы и теперь, что именно здѣсь и обнаруживается огромная ошибка въ воспитаніи, самая тяжелая ошибка, какую только можетъ сдѣлать общество?

Понимаете ли, что грѣшно довѣрять живое дитя матери, которую предстоить теперь такая серьезная обязанность и которая не была подготовлена къ нему ничѣмъ, кромѣ воспитанія, да и извѣстнаго ей лишь по кукольному домику; притомъ — матери, такъ находящейся подъ вліяніемъ запуганнаго состоянія нынѣшняго общества, со всеми его развлеченіями, странными людьми и суетою вѣрныхъ преданій!

Для избѣжанія этой ошибки есть только одно средство, что бы за кукольнымъ домикомъ слѣдовала теоретическая подготов-
ка въ женской школѣ, а за нею практика въ дѣтскихъ прію-
тахъ. Самъ Фребель имѣлъ въ виду эту мысль, но осуществленіе ея составляетъ задачу нашего времени. Практическая дѣ-
тельность разгонитъ даже неудовольствіе незамужней дѣвушки, и если при этомъ мысль о полной эмансипаціи женщины будетъ отбѣснена на задній планъ, то не слѣдуетъ забывать, что лучший и чистѣйшій источникъ человѣческаго довольства состоитъ не въ наслажденіи, а въ добровольномъ, основанномъ на нравствен-
ныхъ причинахъ, перенесеніи заботъ и нуждъ.

Это отреченіе, соединенное съ трудами на пользу родины и человечества, составляетъ жертву, которая конечно не менѣе наполняетъ душу довольствомъ, чѣмъ вступленіе въ монастырь, на которое прежде обрекали себя дѣвушки. Эта жертва получаетъ

самую сладостную награду въ сознаниі достойной, жизненной задачи и исполненнаго долга.

Все изложенное выше есть только бѣглый очеркъ мыслей, которыя не разъ приходили мнѣ въ голову какъ человѣку и врачу, и которыя не рѣдко служили для меня предметами глубокаго размысленія. Онѣ заслуживаютъ болѣе подробнаго объясненія и развитія. Въ той формѣ, въ которой онѣ сообщены здѣсь, въ нихъ можно замѣтить нѣкоторыя противорѣчія, которыя необходимо было бы объяснить; но на это у меня недостаетъ времени. Если, не смотря на то, я не боюсь сдѣлать эти мысли, въ избранной однажды для нихъ формѣ, гласными посредствомъ печати, то меня поощряетъ къ тому не только одобреніе многихъ лицъ слышавшихъ мою рѣчь, но и замѣчаніе, что даже и въ отдаленныхъ мѣстахъ короткія выдержки, сообщенныя журналами, обратили на себя вниманіе мыслящихъ и опытныхъ женщинъ. Къ тому же, такъ-какъ я дорожу не тѣмъ, въ какой формѣ мысль осуществится, а единственно тѣмъ, чтобы она осуществилась, то я охотно дѣлюсь ею со всѣми, въ убѣжденіи, что она должна принести свои плоды. Счастлива та семья, которая заключаетъ въ самой себѣ всѣ элементы воспитанія и можетъ передавать ихъ изъ рода въ родъ! Она можетъ обойтись безъ моей мысли и даже отвергнуть ее. Но, безъ сомнѣнія, нельзя сказать того же самаго и о большинствѣ нынѣшнихъ семействъ. Если все общество должно быть устроено на твердыхъ основахъ, то, для счастья этихъ семействъ, необходимо приискать новые способы воспитанія. Пусть моя статья будетъ хотя малѣйшею данью въ этомъ трудѣ.

**ИЗДАНИЯ АЛ. ЗАЛЕНСКАГО И ЕВ. ЛЮБАРСКАГО
ВЪ ХАРЬКОВѢ.**

Главный складъ у Ал. Глазунова въ Москвѣ и Ел. Балм-
ной въ Харьковѣ.

Контора изданій при типографіи Чеховскаго, въ Харьковѣ.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Грове *. Соотношеніе физическихъ силъ. 1864. Стр. 190, in 8.

Цѣна 1 р. с.

Предисловіе проф. с. Н. Бекетова. Введеніе. Движеніе. Теплота.
Электричество. Свѣтъ. Магнетизмъ. Химическое сродство. Прочіе
виды силъ. Заключение.

Н. БЕКЕТОВЪ. Изслѣдованія надъ явленіями вытѣсненія
однихъ элементовъ другими (къ теоріи химическаго сродства). Съ 1
таб. рисунковъ. 1865. Стр. 80, in 8. Цѣна 1 р. с.

Предисловіе. 1) Опытныя изслѣдованія. 2) Теорія явленій вы-
тѣсненія. Вліяніе удѣльнаго вѣса. Объясненіе вліянія удѣльнаго
вѣса. Вліяніе условій равенства давленій. Вліяніе высокой темпера-
туры на разложеніе (въ связи съ механическимъ строеніемъ тѣлъ).
Соединеніе сходныхъ и несходныхъ тѣлъ. Термохимическія явленія.

Н. БЕКЕТОВЪ. Два популярныхъ чтенія. 1865. г. Стр. 48,
in 12. Цѣна 30 к. с. Чѣмъ мы грѣемся зимою? Свѣтопись и ея
современное состояніе.

* Первое изданіе распродано. Итъя въ виду, что переводъ перваго наше-
го изданія страдаетъ нѣкоторыми недосмотрами и что самая теорія Грове
значительно пополнена новѣйшими изслѣдованіями, приступая ко 2 изданію,
мы пригласили для пересмотра перевода и его пополненія специалиста—фи-
зика Шимкова. Ставя высоко значеніе и важность труда Грове, мы полагаемъ,
что для его перевода и пополненія мало одного дилеттантства.

ЛИЗЕГАНГЪ. Курсъ практической фотографіи. (Съ политпажами въ текстѣ). 1865. Стр. 170, in 12. Цѣна 75 к. с. Съ предисловіемъ и практическими примѣчаніями Ев. Котельникова.

Введеніе. Фотографія на коллодіумѣ. Растворы для фотографій на коллодіумѣ. Процессъ копированія. Стереоскопическія изображенія и увеличительная фотографія.

КОТЕЛЬНИКОВЪ. Опытъ теоріи фотографіи на коллодіумѣ. 1865. Стр. 44. Цѣна 15 к. с.

МАСЛОВСКІЙ. Исторія развитія позвоночныхъ. Съ атласомъ изъ 18 лит. таблицъ. 1865 г. Стр. 186, in 8. Цѣна 2 р. с. Уступка 20 проц.

Предисловіе. Исторія развитія: рыбъ, нагихъ амфибій, чешуйчатыхъ, птицъ и млекопитающихъ.

ГЕЛЬМГОЛЦЪ. Законъ сохранения силы. Пер. Рындовскаго. 1865 г. Стр. 117, in 8. Цѣна 60 к. с.

ВИРХОВЪ. Сборникъ общедоступныхъ статей по естествознанію и медицинѣ. 1866. Стр. 182, in 8. Цѣна 1 р. с.

Біографія автора. Авторитеты и школы. Механическое пониманіе жизни. Атомъ и Индивидуумъ. Жизнь крови. Лихорадка. Выборъ платья. Питаніе мясомъ. Какъ растетъ человекъ. Воспитаніе женщины.

ДАНИЛЕВСКІЙ. Харьковская старина. (Стр. 410, in 8. Цѣна 2 р. 50 к. с.

Украинскіе дѣятели: 1) Сковорода; 2) Каразинъ; 3) Квитка, и 4) Харьковскія народныя школы съ 1732 г.

ГЭНТЪ. Положеніе негра въ природѣ. (Антропологическій очеркъ).

ФАРАДЕЙ. Исторія свѣчки.

Гл. иногородные книгопродавцы, желающіе воспользоваться уступкою 25 проц. на каждомъ изъ вышеозначенныхъ изданій (за исключеніемъ «Исторіи развитія»), могутъ адресоваться съ требованіями въ одинъ изъ означенныхъ складовъ или на имя издателей въ контору изданій при типографіи Чеховскаго, въ Харьковѣ.

ги-
и-
а-
го-
ѣ.
мъ
п-
на-
го.
го-
на-
рѣ
ы.
8.
4)
б).
м-
ие-
ми
го-